

И.Н. ТРОФИМОВА

ПОЛИТИКА НА СТРАНИЦАХ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»: МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И ЭПИСТЕМОЙ

ТРОФИМОВА Ирина Николаевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (itnmv@mail.ru).

Аннотация. Каждой исторической эпохе свойственна своя эпистема – характерная для конкретного исторического периода общая система мышления и научного теоретизирования. Эпистема политики в отечественной социологии формировалась в условиях противостояния идеологии и научного анализа, государственного патронажа и академической свободы. На основе обзора публикаций в журнале «Социологические исследования» (СоцИс) выделены основные этапы эволюции этой эпистемы: первое десятилетие работы журнала в 1974–1984 гг.; перестройка 1985–1990 гг.; «либеральные» 1990-е гг.; «стабилизационные» 2000–2020-е гг. Публикации в СоцИсе по политической социологии рассматриваются как специфические формы репрезентации профессионального знания и способов познания, определяемые актуальным уровнем развития дисциплины и концепцией самого журнала. Усложнение тематической структуры, трансдисциплинарный подход, проектный и дискуссионный характер публикаций способствовали преодолению эпистемологической неопределенности политики.

Ключевые слова: политическая социология • идеология • эпистема • журнал «Социологические исследования»

DOI: 10.31857/S0132162524070082

В 2024 г. журналу «Социологические исследования» (далее СоцИс) исполняется 50 лет, и за это время на его страницах были опубликованы сотни статей, рецензий, заметок и интервью, касающихся напрямую или косвенно проблем политической жизни российского общества. Впервые сюжет о политике как предмете исследования возник на страницах журнала в материале о X Всемирном социологическом конгрессе 1982 г. в Мехико. В нем впервые определялся предмет социологии политики как «содержание политики и политической деятельности различных социальных групп определенного общества, характер их политических интересов и соответствующих политических отношений, содержание деятельности политических институтов, изучение политических движений, политического поведения и сознания масс» [Волков, 1982: 45]. Однако прошло еще более 10 лет прежде, чем в журнале появилась соответствующая рубрика – «Политическая социология».

История политической социологии на страницах СоцИса – это отражение истории страны, преломленная в смене исследовательских парадигм, поколений ученых и авторов. Каждой исторической эпохе свойственна своя «эпистема», под которой понимается общая, характерная для конкретного исторического периода система мышления, научного теоретизирования. Совсем недавно социально-гуманитарные науки существовали в единой общепризнанной и «единственно верной (истинной)» парадигме – обязательной всеобщей теории марксизма. Сегодня они открыты «всем ветрам», любым принципам построения и обоснования научного знания, в полной эпистемологической и идеологической неопределенности [Микешина, 2018: 4]. Но хронологически между этими состояниями нет четкой границы. Смена эпистем/парадигм представляет собой постепенный и нелинейный процесс со своими ускорениями, отклонениями, инверсиями. История отечественной политической социологии тому пример.

Объектом исследования является далее совокупность публикаций по политической проблематике в журнале СоцИс в 1974–2024 гг. Предметом исследования являются репрезентируемые журналом профессиональное знание и способы познания политической реальности. Автором использованы методы периодизации и истории идей, что позволяет рассматривать каждый из пяти этапов как отдельную эпистемологическую ситуацию: 1) первое десятилетие 1974–1984 гг.; 2) перестройка 1985–1990 гг.; 3) 1990-е гг.; 4) 2000-е – начало 2010-х гг.; 5) 2014–2024 гг.

Дискуссия о «политической социологии». Обзор публикаций невозможен без упоминания дискуссии о том, что такое «политическая социология», которая имела как терминологические, так и содержательные аспекты.

Основной вопрос заключался в том, как интерпретировать двойственную предметную область политической социологии – взаимоотношения государства и общества. Дж. Сартори отмечал: «Фраза “социология политики” безошибочно указывает подполе, подразделение общей области социологии ... Говоря “социология политики”, мы ясно даем понять, что структура, подход или фокус исследования являются социологическими» [Sartori, 1969: 195]. Словосочетание «политическая социология» казалось ему неопределенным – как неопределенна и непредсказуема сама политика, пронизанная скрытым манипулированием и принуждением со стороны государственной власти. Статья Дж. Сартори была опубликована в 1969 г., когда после «революции 1968 г.» в странах Европы развернулись массовые социальные движения. Именно в эти годы произошла своего рода «встреча» социального и политического, формальной и неформальной политики. Спустя примерно два десятилетия дискуссии по проблемам социальных движений, электорального поведения, политических предпочтений и т.д. стали основой для формирования политической социологии как исследовательского поля и в отечественной социологии [Горшков, Тощенко, 2018: 10]. Однако оформление общих границ политической социологии не исключило разногласия внутри самой дисциплины.

Политизация общества коснулась и профессионального сообщества. Буквально в русле парадигмы политического участия В. Воронков и Е. Здравомыслова выделили два типа исследователей – «неформальные» и «формальные». Первые подчеркивали значимость, конструктивность и рациональность социальных движений, рассматривали социологию как инструмент преобразования общества; вторые опасались именно деконструктивности и иррациональности этих движений [Voronkov, Zdravomyslova, 1996: 46–47]. Это разделение отражало происходящие в стране события, которые интерпретировались как «огромного накала борьба между горячими приверженцами кардинальных сдвигов и социальными группами, которые готовы сделать все, чтобы ничего не менялось» [Заславская, 1987: 3].

Масштабные радикальные перемены волей-неволей вовлекали в политику каждого, в том числе и исследователей. В рамках «прикладного» подхода «политическая социология» рассматривается как социология, решающая конкретные прагматические задачи политических субъектов, а не поиск истины или открытие чего-то нового. «Социологии политики», напротив, приписывается изучение политики сквозь призму социологических теорий и концепций [Ослон, 2011]. Примечательно, что близким по смыслу англоязычным термином «*policy sociology*» М. Буравой обозначает всю прикладную отрасль социологии, под которой понимаются исследования по заказу учреждений и организаций для принятия ими «правильных» решений, а собственно политику понимает как часть общего контекста, учитываемого при исследованиях [Burawoy, 2021: VIII].

«Партисипативный» подход ставит на первое место исследователя, так или иначе вовлеченного в политику. Ж.Т. Тощенко предлагает следующее принципиальное отличие: «При формулировке “социология политики” политика для исследователя (как и для любого человека) выступает как что-то внешне от него отдельное, обособленное, во что он не включен и является лишь сторонним наблюдателем. Когда же мы употребляем понятие “политическая социология», то здесь чрезвычайно важна позиция человека как личности, как члена социальной группы или социальной организации» [Тощенко, 2017: 23]. Здесь

речь идет не об ангажированности исследователя, а о его самоидентификации и системе ценностей, сложившихся в определенных культурно-исторических и социальных условиях, что созвучно современному эпистемологическому подходу [Микешина, 2018].

«Критический» подход подчеркивает ангажированность политической социологии в основном с государственными структурами и в меньшей степени – с общественными и неформальными. Ввиду слабости в стране гражданского общества эта ее неформальная составляющая несоизмеримо меньше и слабее, что дает основание сомневаться в наличии политической социологии в сегодняшней России вообще. Наиболее критическая и одновременно пессимистическая оценка заключается в том, что политической социологии в России не может быть в принципе по причине отсутствия политики как автономной публичной сферы [Гудков, 2011: 120].

Разные авторы определяют политическую социологию, исходя из своего понимания ее общественной роли, и как раздела социологии со всеми общими плюсами и минусами, и как особой отрасли, онтологически и гносеологически сфокусированной на политике «снизу» – со стороны общества, а не государства. В целом можно сказать, что не так важно соотношение и интерпретация родовых и видовых определений дисциплины, сколько ее референции с направленностью общественно-политического процесса и господствующей политической идеологией. История российской политической социологии – это путь от отрицания к признанию, что в полной мере нашло отражение на страницах журнала СоцИс.

Первое десятилетие: наука и/или идеология? Несмотря на то что политическая социология как рубрика в журнале изначально отсутствовала, политика в виде классово-марксистско-ленинской идеологии пронизывала большинство опубликованных материалов. В редакционной статье первого номера утверждалось: нет такого уровня социологического знания, который стоял бы вне принципа партийности, который не выполнял бы определенных и весьма важных функций в строительстве коммунизма и идеологической борьбе [Развитие..., 1974: 5]. Советская делегация на IX Всемирном социологическом конгрессе (1978 г., Упсала) констатировала: «идеология и социальные науки неотделимы друг от друга» [Красин, 1979: 66]. Сам журнал позиционировался как трибуна лучших достижений марксистско-ленинской социологической мысли в СССР.

Идеология обеспечивала движение «от идей к социальным фактам», была их понятийными рамками, «прокрустовым ложем». Такой подход стал определяющим для характеристики социологии как инструмента зондажа социальной реальности, заказчиком которого выступали центральные органы КПСС [Губа, 2015]. Классовый подход к научному анализу общественных явлений, теоретическая и методологическая строгость отождествлялись с превращением ученых в слуг политического режима [Бойков, 2008]. Считалось, что социологические исследования позволяют связать генеральные задачи партии, сформулированные в ее документах, с конкретными условиями отдельных областей, районов, городов, предприятий, колхозов и совхозов. Не случайно, многие передовицы были посвящены деятельности партийных, комсомольских, советских органов. С другой стороны, исследования вскрывали явления, не соответствующие идеалам социалистического общества, например, религиозность местного населения или низкую общественно-политическую активность рабочих, обращая на них внимание государственной пропаганды и агитации.

«Идейным стержнем» журнала выступала рубрика «Теоретические проблемы социологии». В 1970-х гг. эта рубрика в каждом номере (при четырех выпусках журнала в год) объединяла 4–5 статей по различным аспектам идеологической и пропагандистской работы. Такая практика даже критиковалась как перекосящий профиль журнала в сторону научного коммунизма и исторического материализма в ущерб конкретным социологическим исследованиям, однако доводы о риске власти в «голый эмпиризм» быстро ставили точку в подобных дискуссиях [Отчет..., 1975].

В отношении буржуазной социологии журнал должен был занимать четкие партийные позиции классового, диалектико-материалистического дифференцированного подхода. Это касалось как авторов, так и ведущих социологических зарубежных изданий, которые

воспринимались как агенты «буржуазного эмпиризма». Такой подход позволял в многообразии взглядов зарубежных исследователей усматривать лишь разную степень проявления идеологического противостояния. Основным объектом для критики был методологический индивидуализм, которым руководствовались как «буржуазные» В. Парето и Т. Парсонс, так и «псевдомарксистские» Д. Белл, А. Турен, С. Липсет, Ю. Хабермас, Н. Бирнбаум. Вместе с тем подобная критика провоцировала интерес читателей к работам зарубежных социологов. Как вспоминает И.С. Кон, «...“критика” заменяла советской интеллигенции недоступные первоисточники, с нее начинали свою научную деятельность многие наиболее образованные и талантливые философы и социологи» [Кон, 1999: 116]. В дальнейшем, по мере ослабления цензуры, критика превращалась либо в разработку соответствующей проблематики, либо в изучение истории науки – наука, поистине, не знает границ!

Реакция на проявление сколько-нибудь заметной оппозиции «среди своих» была намного более резкой. Теоретические работы о развитии государства как социально-политической общности подвергались не просто критике, но осуждению в некомпетентности и уподоблении буржуазной демагогии. Речь могла идти только о политическом развитии государства, но не общества. О выявлении интересов отдельных групп, слоев, организаций, территориальных сообществ и тем более конфликта между ними не могло быть и речи, хотя это и составляет суть политики. Политика сдвигает анализ от безличностного к личному, от государства к партии, от приказа к убеждению, от правил к праву голоса, от организаций к индивидам [Александр, 2009: 3–4]. В этом смысле политической социологии в советский период действительно не было.

Публикации этого периода оставляют впечатление, что политика в советской социологии воспринималась «надпредметно», относилась к сфере идеологии. На наш взгляд, именно идеологизированность лежит в основе уже практических шагов в различении «политической социологии» и «социологии политики» [Волков, 1982; Тощенко, Бойков, 1990; Тощенко, 1994]. В СоцИсе имело место своего рода разделение рубрик и статей на «высокие» (редакционные, идеологические, теоретические, задающие общее направление) и «низкие» (прикладные, отраслевые). «Политической социологии» отводились общие теоретические вопросы, касающиеся отношений между обществом и государством, а «социологии политики» – частные, конкретные, локальные, но с позиций общегосударственной идеологии.

И все-таки социологи-профессионалы не могли не видеть социальную реальность такой, как она есть. Здесь скорее прав Б.М. Фирсов, отмечавший драму отечественной социологии – необходимость выбирать между политическими целями и императивами профессионализма [Фирсов, 2012: 150]. В конце 1970-х гг. политика как предмет социологии пока только обозначается на страницах журнала – в основном как часть дискуссии с зарубежными коллегами о соотношении социологии, идеологии и научного анализа. Но уже к середине 1980-х гг. все отчетливее проявлялось противостояние двух «социологий»: одна следовала идеологическим догматам, а другая стремилась к переоценке ценностей, пыталась развивать новые темы и исследовательские методы.

Перестройка 1985–1990-х гг. – время дискуссий. Новый период в развитии советского общества постепенно переориентировал деятельность журнала на новые темы. Во второй половине 1980-х гг. перечень рубрик инкорпорирует ключевые лозунги перестройки – «Демократизация общественной жизни», «Демократизация общества и политические процессы», «Политика, демократия, личность», «Трибуна депутата». Демократизация жизни находит отражение в статьях, посвященных рабочему самоуправлению, выборности руководителей, местному самоуправлению, общественно-политической активности граждан. Однако эти рубрики существовали всего 5 лет – с 1988 по 1992 г. и по большей части включали теоретические статьи, являвшиеся продолжением пропаганды идей, звучавших с высоких трибун.

Ключевым концептом для общественных наук теперь становился «человеческий фактор», а отказ от социальной апологетики подразумевал переход к научному, критическому освоению действительности, решению реальных теоретических и практических задач [Осипов, 1987: 18]. Методологический индивидуализм – то, за что ранее критиковали «буржуазных»

социологов, теперь активно берется на вооружение. Так, можно сказать, почти одновременно, изменилась исследовательская парадигма. Отныне не социально-экономические структуры и организационные формы, а человек, его отношение к обществу и государству, другим людям и самому себе, его потребности и интересы, ценностные ориентации и установки определяли систему общественных отношений [Осипов, 1987: 18]. За этим сменой скрывалось очевидное противоречие, поскольку призыв к отходу от постулата «человек – продукт системы» звучал все-таки с самого высокого уровня – трибуны XXVII съезда КПСС!

Отдельной линией в журнале проходит осмысление вопросов «высокой» политики, которое началось с обсуждения плюрализма, гласности и неформальных движений. Дискуссия показала, каким непростым был еще даже не поворот, а пока только отход от прежних идеологических постулатов. «Если есть множественность позиций, то не перерастут [ли] позиции в оппозицию?» – этот вопрос стал ключевым для обсуждения на совместном заседании Агентства печати «Новости» (АПН) и редакции журнала в 1988 г. В ходе его сразу обозначились три позиции в отношении плюрализма мнений – категорическое неприятие, осторожное наблюдение и изучение, принятие как факта. Стоит выделить позицию И.В. Бестужева-Лада, что «плюрализм – это ненаказуемость инакомыслия... он был и есть» [Социалистический..., 1987: 8]. Впрочем, большинство участников указывали на преждевременность плюрализма или возможность его лишь ограниченного применения, например, в теоретических исследованиях. Что касается политического плюрализма, то вердикт был следующий: «никогда, никто, ни одна партия, ни один класс ни с кем власть делить не будут» [Социалистический..., 1987: 10].

Тем временем вклад социологических исследований в теорию оценивался как неудовлетворительный [Амелин, Дегтярев, 1997: 154]. В годы радикальных преобразований роль журнала переосмысливалась, но он пока отставал от динамики политической жизни.

1990-е: годы активного поиска. «Либеральные» 1990-е гг. – особенное время, когда оформились новые направления исследований. Существовавшие долгое время «сборные» политематические рубрики («Прикладные исследования», «Социальные реалии: вчера и сегодня») в середине 1990-х гг. уступили место отраслевым рубрикам. Их названия часто варьировались, уточнялись; сами рубрики объединялись или «разветвлялись». В 1991 г. в журнале появилась рубрика «Социология политики», а в 1995 г. – существующая и сегодня рубрика «Политическая социология». Наибольшее число публикаций в этих рубриках отмечалось именно в 1990-е гг., затем оно пошло на спад (рис. 1).

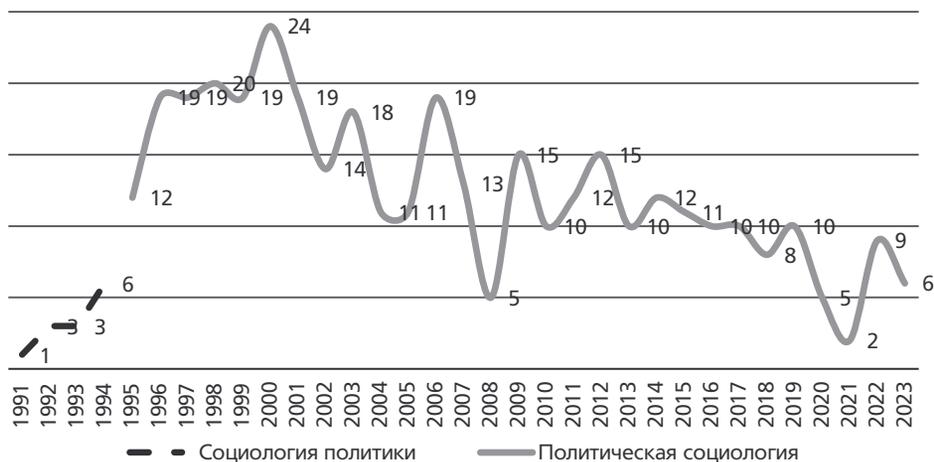

Рис. 1. Число ежегодных публикаций в социально-политических рубриках «Социологических исследований», 1991–2023 гг.

Опубликованным в журнале статьям по политической социологии нередко приписывают функции сопровождения реформ [Лисицкая, 2014]. Данное мнение выглядит не совсем корректными ни в отношении теоретических, ни в отношении прикладных исследований. Анализ тематики и содержания статей показывает, что в первой половине – середине 1990-х гг. многие исследователи оказались в ситуации неопределенности, «непонимания», «мучительного перехода к новой парадигме», «на перепутье между старым и новым». Социологическое сообщество отнюдь не стало более сплоченным. Научные дискуссии нередко сопровождались навешиванием на оппонентов «политических ярлыков». Снова и снова поднимался вопрос о роли субъективного фактора, а говорившие о его недооценке Ю.А. Левада, В.А. Ядов, С.Г. Кара-Мурза были названы «идеологами неолиберализма» [Руткевич, 1995].

Российское общество воспринималось исследователями как трудный объект для анализа. Б.А. Грушин сделал «крайне пессимистические и агностицистские» заявления, предположив, что российское общество в его нынешней [на тот момент. – Прим. И.Т.] форме представляет неподдающиеся измерению проблемы для социальных наук [Шляпентох, 1995]. Особенно это сказалось на проведении массовых опросов. «Стремление квалифицировать то или иное идейное состояние умов, общественно-политических движений, течений выглядит по меньшей мере тщетным занятием», – констатировал в 1994 г. Ю.Г. Волков [1994: 5]. Введение новых понятий (как, например, «политическая элита»), которые были трудно соотносимыми с традиционными представлениями, не могло дать релевантный материал для оценки текущей ситуации и прогнозов.

Исследователи отмечали, что ключевые термины «демократия» и «демократ» в России наделены противоречивыми значениями, а «отношение россиян к самому процессу демократизации путанно и нередко цинично» [Де Барделебен, Паммет, 1995]. Позднее тема практической пользы демократии получит развитие в работах В.В. Петухова (см., напр.: [Петухов, 2012]). Ряд социологов увидит в отходе от демократии более глубокую причину – сознательное поведение новой элиты, которая эксплуатировала ценности демократии, справедливости, свободы, человеческих прав ради реализации своих узких корпоративных интересов [Дмитриев и др., 1996]. Такая «мимикрия» элиты, и не только политической, еще больше отворачивала россиян от демократии, ценности которой превращались в «негативные символы», «попытку нового мифотворчества».

Увлеченные пафосом строительства нового общества социологи совершенно упускали из виду изучение социальных предпосылок демократии. Между тем к этому времени уже были доступны взгляды ведущих социологов по данной проблеме. М. Фуко отмечал, что демократия может существовать лишь в той мере, в какой – на уровне индивидов, семей, повседневной жизни, правительственных отношений, если угодно, – складывается определенный тип отношений власти, и именно поэтому демократия не может возрасти где угодно [Фуко, 2006: 211]. Отсутствие предпосылочного знания и понимания демократии, закрепленных в повседневных отношениях и оценках общественной жизни, привело к отторжению демократических идей. Как итог, темы демократии и демократизации в СоцИсе быстро сошли на нет, оставшись скорее нормативным ориентиром в исследованиях общественных настроений. Кроме того, тему демократии подхватил новый, ставший издаваться с 1991 г., журнал ПОЛИС («Политические исследования»): в пересекающемся наборе ключевых слов в публикациях обоих журналов в ПОЛИСе наиболее часто встречается «демократия», а в СоцИсе – «гражданское общество».

Стоит отдать должное СоцИсу, который всегда поддерживал дискуссионный формат размещения статей – в рамках одного номера или в подряд издающихся номерах. Отдельные вопросы привлекали внимание редакции и авторов на протяжении многих лет, и проблема концептуализации понятия «гражданское общество» стала одной из них. Н.Ю. Беляева одной из первых отметила изменения в подходах: от попытки связать его с концепцией социалистического плюрализма до чрезвычайной политизации и противопоставления государству [Беляева, 1995: 110]. В статье Ю.М. Резника [1994] природа

гражданского общества раскрывалась с точки зрения эволюции целостной общественной системы, критике подверглись представления о его независимости и оппозиции государству. Примечательно, что этот вопрос еще не раз будет обсуждаться на страницах журнала в 2000-х гг., но уже в новых общественно-политических условиях.

В 1990-е гг. распространение получили электоральные исследования (В.С. Комаровский, О.М. Грабарь, В.Н. Зыбцев, А.Н. Саунин). Особый интерес вызывали проблемы методологии проведения опросов (Ю.А. Левада А.А. Ослон, Е.С. Петренко, В.Э. Шляпентох), социальные предвыборные технологии (А.Н. Колесников, Д.А. Левчик), региональный избирательный процесс (С.Г. Зырянов, А.С. Корецкий, Ю.Е. Растов). Выборы федерального парламента и референдум по новой Конституции страны 1993 г., деятельность более полутора тысяч общественных, политических и религиозных организаций, включая 64 политические партии, создавали совершенно новую политическую ситуацию. Ее изучение способствовало обособлению области знания, где идеологические позиции становились предметом, а не методом анализа. Социолог И.В. Задорин и вовсе считает, что именно из электоральных исследований выросла эмпирическая политическая социология [Задорин, 2011].

В середине 1990-х гг. в журнале был дан старт таким темам, как политический процесс (В.К. Левашов), политическая элита (Р.В. Рывкина), политические ориентации (В.Э. Бойков, Д.П. Гавра, В.С. Мокрый, Н.В. Соколов, Д.Б. Цыганков), политическое сознание (Ж.Т. Тощенко), политическое поведение (Д.А. Левчик, Э.Г. Левчик, Г.И. Осадчая), гражданское общество (Н.Ю. Беляева, О.Н. Яницкий), политическая культура (В.Н. Иванов, В.Ф. Шаповалов, А.И. Зимин). В конце 1990-х гг. происходит разветвление и появление новых тем: власть и бюрократия (В.Э. Бойков, Г.П. Зинченко, В.П. Макаренко, Н.В. Романовский, В.Г. Смольков), политическая конфликтология (А.В. Глухова, А.В. Дмитриев, А.В. Кинсбургский, Л.И. Никовская, Е.И. Степанов, Л.Н. Тимофеева, Д.М. Фельдман, А.Н. Чумиков), политический маркетинг (В.П. Дубницкая, И.Л. Недяк, М.И. Тарарухина), региональный политический процесс (Ф.Х. Мухаметшин, В.Г. Немировский, Ю.Р. Хайруллина).

Параллельно политическая социология отмежевывается от политологии. Политология сосредотачивается на проблемах политической жизни «сверху», со стороны политических институтов, в то время как политическая социология идет «снизу», от человека и от общества с его социальной стратификацией, доминирующими типами личности, социально-экономическими обстоятельствами формирования массового и индивидуального политического сознания [Бойков, 2008]. В конце 1990-х гг. на страницах журнала констатируется обретение политической социологией статуса самостоятельного направления.

Таким образом, в 1990-х гг. можно видеть, как реальность вырывалась «из-под опеки» идеологии, несмотря на стремление сохранить влияние последней. Прежние идеологические конструкции пытались адаптировать новые концепты, которые не были до конца осмыслены и которые, в свою очередь, не могли описать множасьщиеся противоречия, расколы и конфликты в обществе.

2000-е – начало 2010-х гг.: осмысление предыдущего этапа. Вступление в новый век ознаменовалось подведением общих итогов предыдущего «либерального» десятилетия и осмыслением произошедших трансформаций. Масштаб, динамика и радикальный характер перемен затрудняли анализ и прогнозирование. В профессиональной среде росла неудовлетворенность как теоретическим уровнем исследований [Сорокин, 2017; Кара-Мурза, 2016], так и ролью социологии в общественном развитии [Горшков, 2011]. На страницах журнала стали чаще появляться статьи обобщающего характера, в которых периодизация как метод позволяла выявить и сопоставить тенденции, и по смежным тематикам, которые открывали новые грани социополитической реальности.

Проблемы развития гражданского общества в России по-прежнему оставались в фокусе внимания редакции и авторов журнала. В публикациях прослеживаются два основных нарратива – «неготовность» и «отставание». Примером первого можно назвать статьи

С.Г. Кирдиной-Чэндлер и С.А. Басова, опубликованные в 2012 г. С.Г. Кирдина-Чэндлер обосновывала, что особенности и перспективы развития гражданского общества определяются матрицей доминирующих институтов. По ее мнению, термин «гражданское общество» должен быть исключен из научного дискурса в силу его неопределенности по отношению к России и заменен термином «гражданское участие», который означал бы промежуточный этап усвоения необходимого опыта и знания [Кирдина, 2012: 69].

Той же логике следует С.А. Басов, который предлагал разделить социальную реальность, воплощенную в форме гражданских отношений, и определенную совокупность ценностей, т.е. социальные явления и идеи, взаимодействия и добродетели, сущее и должное [Басов, 2012]. Констатируя, что в современных исследованиях гражданского общества оценочные суждения преобладают над анализом того, как объективно устроено и функционирует гражданское общество, автор призывал отказаться от идеализированной модели «хорошего» общества «моральных» и «ответственных» граждан, а исследовать относительно самостоятельные гражданские отношения между людьми, направленные на интеграцию общества как органичного целого, его самоорганизацию [там же: 81].

Примером нарратива об отставании развития гражданского общества в России являются работы В.В. Петухова, который находил параллели в условиях развития гражданского общества в России и в развитых демократиях: экономический кризис 2008–2009 гг., рост численности и эмансипация российского среднего класса, кризис партийной системы. По мнению этого исследователя, в России в 2000-е гг. имело место сочетание двух тенденций: 1) структурирование гражданского общества как совокупности независимых от государства акторов и каналов коммуникаций; 2) постепенное дистанцирование гражданского общества от публичной политики. Это значит, что развитие гражданского общества в России шло так же, как и в развитых европейских странах, но с опозданием примерно на 20 лет [Петухов, 2012].

Если говорить об отдельных направлениях политической социологии, то на страницах журнала продолжали публиковаться статьи по электоральной социологии, политической регионалистике, политической элитологии. Заметно вырос интерес авторов к проблемам гражданского общества, гражданской активности (Н.М. Великая, Е.В. Грунт, Е.Н. Заборова, А.М. Кацва, С.Г. Климова, С.А. Магарил, Л.И. Никовская, И.А. Халий, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев, А.В. Семенов, М.С. Цапко), политического сознания и поведения (О.В. Бабайцев, Е.И. Башкирова, И.В. Грошев, Л.Е. Душицкий, В.А. Иванова, Г.И. Козырев, Н.В. Лайдинен, Н.А. Нартова, В.О. Рукавишников, С.А. Чориев) – можно сказать, эти темы стали ведущими.

Совершенно новые направления представляли собой исследования политического насилия и терроризма (Г.К. Варданянц, В.Н. Иванов, Ф.Н. Ильясов, Э.Н. Ожиганов, А.Д. Толмач), политических технологий (Г.А. Борщевский, Е.Н. Давыборец, О.А. Игнатьева, Ю.В. Ирхин, Г.А. Малышева, О.М. Михайленок, Л.В. Сморгун), политического консультирования и моделирования (Г.И. Марченко, А.П. Михайлов). Вместе с тем сократилось число работ по проблемам федерализма и местного самоуправления, деятельности политических партий, политической культуры. Все это связано с изменениями в политическом ландшафте страны, приоритетах государства, общественных настроениях.

2014–2024 гг.: новая повестка – новые вызовы. Ключевыми событиями в жизни страны за последнее десятилетие стали воссоединение Крыма с Россией и проведение специальной военной операции на Украине, которые сильно повлияли на настроения в обществе. Диапазон их оценок – широк, выводы исследователей – зачастую противоречивы. При этом заметно, насколько различны аналитические подходы в двух социологиях – «формальной» и «неформальной» (если воспользоваться определениями В. Воронкова и Е. Здравомыслова). Для первой характерны поиски в теоретических рамках социологии войны, кризисной повседневности, культурной травмы, патриотической мобилизации. Вторая оперирует терминами «нормализация насилия», «милитаризация общества», «имперский синдром», «ресентимент», «эффект сплочения (*rally 'round the flag effect*)». Есть и то,

Рис. 2. Распределение публикаций в «Социологических исследованиях» 2000–2020-х гг. по политической социологии и смежным тематикам

что их объединяет – это принятие сегодняшней ситуации как результата взаимовлияния внешних и внутренних факторов. Отсюда «призывы» к метатеоретизированию, кросскультурным исследованиям, сочетанию макро- и микроизмерений, определению социальных смыслов – «скрытых», «сложных», «гибридных».

В то же время имеет место не просто уточнение отдельных концептов, как в предыдущий период, но и отказ от некоторых теорий как неприменимых к российским реалиям. Глобализация парадоксальным образом дала возможность на практике апробировать ведущие теории и одновременно убедиться, что современная социальная наука отнюдь не универсальна и объективна. Интерпретация российской реальности в концептах западного социологического мейнстрима столкнулась с иным мировоззрением, иными отношениями и ожиданиями, иным пониманием истории и текущих событий.

Происходящие в обществе изменения и общий настрой в социальных науках не могли не сказаться на отражении развития политической социологии в журнале. При сохраняющейся устойчивости тематической структуры журнала [Ядова, 2021: 289] в количественном и содержательном наполнении рубрик произошли определенные изменения (рис. 2).

Практически сошли на нет публикации по проблемам демократии, политической регионалистике, электоральной социологии, лидерству и конкуренции в политике, политическому насилию. Напротив, выросло число работ по проблемам международной и внешней политики. В целом авторы стали чаще затрагивать геополитические сюжеты в разных контекстах, а исследование «мягкой силы» стало трендом. Политические конфликты и протесты в публикациях получали исключительно региональную (Хабаровск, Хакасия) или зарубежную «прописку»

(Армения, Беларусь, Казахстан, страны Юго-Восточной Азии). Уровень политического сознания и гражданского активизма тестируется в основном на локальных молодежных группах (Вологодская область, Санкт-Петербург, Саратов).

Гражданское общество как ключевая тема политической социологии сохраняет свою актуальность, но речь уже идет не об отставании или проживании промежуточного (подготовительного) этапа, а об отступлении, шаге назад. Авторы констатируют, что хотя консервативная, традиционалистская, патриотическая повестка дня воспринимается отдельными слоями общества по-разному [Халий, 2017], в целом она ведет к снижению гражданской компетентности и еще большему отказу граждан от участия в политике и общественной жизни [Гаврилюк и др., 2016]. Сокращение социальной базы гражданского активизма, безусловно, повышает его значимость, но вряд ли дает повод для оптимизма в плане создания новых форм и практик политического представительства [Петухов, 2019]. Авторы как бы снова возвращают читателя к «невыученным урокам» начала 1990-х гг., подчеркивая, что поле политики в российских условиях должно прорасти в первую очередь «снизу», путем взаимодействия рефлексирующих и моральных индивидов, их коммуникации, диалога, использования институциональных форм разрешения конфликтов, выработки общих позиций, соотносенных с целями всего общества [Недяк и др., 2020: 51].

Политическая социология оказалась внутренне противоречивой, как и изучаемая ею реальность, что не могло не сказаться на уровне научных дискуссий и презентации результатов исследований [Баскакова, 2013]. Понятия, содержание которых расходилось с объективной реальностью, становились новыми идеологемами. Эпистемологический опыт зачастую допускал слишком много моральных оценок, исторических обобщений, ссылок на традиции и просто отсылку к здравому смыслу, чтобы выработать рациональные представления о политике как предмете исследования, достаточные и необходимые в том числе для принятия политических и управленческих решений.

Заключение. Особенность политической социологии заключается в ее «двойной» междисциплинарности – предметной (государство и общество) и теоретико-методологической (социология и политология). Политика как динамично меняющаяся сфера жизни, со свойственной ей латентными процессами, непубличными дискуссиями и интенциями участников, добавляет к этому дополнительное измерение. Отсюда – трудности построения, обоснования и практического применения теоретических моделей. На примере феномена и понятия гражданского общества мы видим различие и взаимосвязь онтологии и эпистемологии политики. Концепты, идеологемы, референции, дискурсы, нарративы – все это в совокупности образует промежуточный (когнитивный) уровень, где взаимодействуют субъект и объект познания. Объективная реальность «начинает “растворяться” в ценностно-исторических системах координат, а эпистемология конструирует новую реальность, которая приобретает онтологические основания» [Ключарев, 2022: 12].

Развитие политической социологии на страницах СоцИса – это история взаимоотношений государства и общества, опосредованная коллективным научным поиском. Заслуга журнала заключается в поддержании постоянной дискуссии в репрезентации актуальных проблем. Знание о сложной и динамичной социополитической реальности формировалось посредством взаимодействия редакции, авторов, рецензентов, читателей, а также в их лице опосредовано – российских и зарубежных институтов и исследовательских организаций. В таком контексте журнал можно рассматривать как пример коммуникативной рациональности, которая помогала преодолевать идеологические догматы советского периода, увлечение лозунгами перестройки, растерянность начала 1990-х, новые мифы и идеологемы XXI в.

Сегодня политическая социология должна сформулировать новые задачи. Этап осмысления прошедших реформ и причин дедемократизации общества, с точки зрения получения значимых научных результатов, в целом завершен. Более важным становится изучать теорию и практики гражданского участия и гражданской солидарности независимо от их масштаба и сферы проявления. В современных условиях возрастает роль и ответственность социолога как профессионала и гражданина, а вместе с этим – роль журнала как уникальной площадки для формирования современной эпистемы политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 3–17.
- Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Социология политики в России: становление и современное состояние // Мир России. Социология. Этнология. 1997. Т. 6. № 1. С. 129–162.
- Баскакова Ю.М. О некоторых особенностях публикаций в российских политологических и социологических научных изданиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 153–162.
- Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 74–82.
- Беляева Н.Ю. Гражданские ассоциации и государство // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 109–114.
- Бойков В.Э. Генезис идей политической социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 95–100.
- Волков Е.Ю. Социология политики как отрасль социологической науки // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 42–50.
- Волков Ю.Г. Идеологическое затмение // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 3–9.
- Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.
- Горшков М.К. Российская социология: между обществом и властью (Неюбилейные заметки в связи с юбилеем) // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 19–22.
- Горшков М.К., Тощенко Ж.Т. Основные вехи в развитии отечественной социологии (конец 1950-х – 2010-е гг.) // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 3–16. DOI: 10.7868/S0132162518060016.
- Губа К.С. Издавая «СоцИс», или Проблема легитимности в советской социологии // Экономическая социология. 2015. № 5. С. 20–45.
- Гудков Л.Д. Политическая социология будет развиваться по мере расширения пространства политики и участия в ней / интервью провел В.Л. Римский // Политическая наука. 2011. № 3. С. 116–139.
- Де Барделебен Дж., Паммет Дж.Х. Отношение россиян к референдумам // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 11–26.
- Дмитриев А.В., Степанов Е.И., Чумиков А.Н. Российский социум в 1995 г.: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 6–23.
- Задорин И.В. Эмпирическая политическая социология в России выросла из электоральных исследований / интервью провел В.Л. Римский // Политическая наука. 2011. № 3. С. 140–159.
- Заславская Т.И. Роль социологии в ускорении развития советского общества // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 3–15.
- Кара-Мурза С.Г. ИСПИ РАН дает ответ на вызовы времени // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 26–34.
- Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63–73.
- Ключарев Г.А. Онтологическая проблематика в социологической интерпретации: к постановке вопроса // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 5–16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6.
- Кон И.С. Эпоху не выбирают // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: РХГИ, 1999. С. 110–131.
- Красин Ю.А. Политические аспекты социологии // Социологические исследования. 1979. № 1. С. 64–71.
- Лисицкая Е.Ю. Опыт сравнения социологического теоретизирования в российских и зарубежных научных журналах // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 130–138.
- Микешина Л.А. Социология и эпистемология: необходимость взаимодействия // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250002153-1.
- Недяк И.Л., Павлова Т.В. и др. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 42–53. DOI: 10.31857/S013216250008323-8.
- Осипов Г.В. Человеческий фактор ускорения (к вопросу о разработке социологической концепции) // Социологические исследования. 1987. № 5. С. 11–18.
- Ослон А.А. Политическая социология – часть политики, социология политики – часть социологии / интервью провел В.Л. Римский // Политическая наука. 2011. № 3. С. 160–178.
- Отчет о журнале «Социологические исследования» на Бюро Отделения философии и права АН СССР // Социологические исследования. 1975. № 3. С. 224–226.

- Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48–60.
- Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0.
- Политическая социология: учебник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017.
- Резник Ю.М. Формирование институтов гражданского общества // Социологические исследования // 1994. № 10. С. 21–29.
- Руткевич М.Н. О роли субъективного фактора в современной России // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 31–38.
- Сорокин П.С. Российская социологическая традиция в международном научном дискурсе: особенности, проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 121–122.
- Состоялось ли гражданское общество в России («круглый стол») // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 48–55.
- Социалистический плюрализм (обсуждение «за круглым столом» АПН и редакции «Социологических исследований») // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 6–24.
- Тощенко Ж.Т. Эволюция идей политической социологии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 14–24.
- Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э. Политическая социология: состояние, проблемы, перспективы // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 22–29.
- Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980 год. Очерки: уч. пос. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ЕУ в СПб., 2012.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006.
- Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74.
- Шляпентох В.Э. Предвыборные опросы 1993 в России г. (критический анализ) // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 3–10.
- Ядова М.А. Актуальная политическая повестка российских социологических журналов // Политическая наука. 2021. № 4. С. 287–309. DOI: 10.31249/poln/2021.04.13.
- Burawoy M. Public Sociology. Between Utopia and Anti-Utopia. Cambridge: Polity Press, 2021.
- Sartori G. From the Sociology of Politics to Political Sociology // Government and Opposition. 1969. Vol. 4. № 2. P. 195–214. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1969.tb00173.
- Voronkov V., Zdravomyslova E. Emerging Political Sociology in Russia and Russian Transformation // Current Sociology. 1996. Vol. 44. № 3. P. 40–52.

Статья поступила: 23.04.24. Финальная версия: 30.06.24. Принята к публикации: 25.07.24.

POLITICS IN THE JOURNAL “SOTSIOLOGICHESKIYE ISSLEDOVANIYA”: BETWEEN IDEOLOGY AND EPISTEME

TROFIMOVA I.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina N. Trofimova, Dr. Sci. (Pol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (itnmv@mail.ru).

Abstract. Each historical era is characterized by its own “episteme” – a general system of thinking and scientific theorizing. The episteme of politics in Russian sociology was formed in conditions of confrontation between ideology and scientific analysis, state patronage and academic freedom. The main stages are highlighted: 1) the first decade 1974–1984; 2) Perestroika 1985–1990; 3) 1990s; 4) 2000s. The journal «Sotsiologicheskkiye issledovaniya» is considered as a specific form of representation of professional knowledge and ways of knowing, determined by the current level of development of the discipline and the concept of the journal itself. The increasing complexity of the thematic structure, transdisciplinary approach, and the project-based and discussion-based nature of publications help overcome the epistemological uncertainty of politics.

Keywords: political sociology, ideology, episteme, journal «Sotsiologicheskkiye issledovaniya», scientific publications, thematic structure.

REFERENCES

- Alexander J. (2009) Power, politics and the civil sphere. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–17. (In Russ.)
- Amelin V.N., Degtyarev A.A. (1997) Sociology of politics in Russia: formation and current state. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 6. No. 1: 129–162. (In Russ.)
- Baskakova Yu.M. (2013) On peculiarities of Russian political science and sociology scientific publications. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 153–162. (In Russ.)
- Basov S.A. (2012) Civil society and civil relations: the search for meaning. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 74–82. (In Russ.)
- Belyaeva N. Yu. (1995) Civil associations and the state. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 109–114. (In Russ.)
- Boykov V.E. (2008) Genesis of ideas in political sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 95–100. (In Russ.)
- Burawoy M. (2021) *Public Sociology. Between Utopia and Anti-Utopia*. Cambridge: Polity Press.
- De Bardeleben J., Pammett J.H. (1995) Attitude of Russians to referendums. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 11–26. (In Russ.)
- Dmitriev A.V., Stepanov E.I., Chumikov A.N. (1996) Russian society in 1995: conflictological examination (first half of the year). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–23. (In Russ.)
- Firsov B.M. (2012) *History of Soviet sociology: 1950–1980. Essays: textbook. 2nd ed., rev. and additional*. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Foucault M. (2006) *Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews*. P. 3. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Gavrilyuk V.V., Malenkov V.V., Gavrilyuk T.V. (2016) Modern models of Russian civic consciousness. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 97–106. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2011) Russian sociology: between society and power (Non-anniversary notes in connection with the anniversary). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 19–22. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Toshchenko Zh.T. (2018) Main milestones in the development of domestic sociology (late 1950s – 2010s). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–16. DOI: 10.7868/S0132162518060016. (In Russ.)
- Guba K.S. (2015) Publishing “Sotsis”, or the Problem of Legitimacy in Soviet Sociology. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. No. 5: 20–45. (In Russ.)
- Gudkov L.D. (2011) Political sociology will develop as the space of politics and participation in it expands. Interview conducted by V.L. Rimsky. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 116–139. (In Russ.)
- Has civil society taken place in Russia (“round table”). (2007) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 48–55. (In Russ.)
- Kara-Murza S.G. (2016) ISPI RAS responds to the challenges of the time. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 26–34. (In Russ.)
- Khaliy I.A. (2017) Patriotism in the Russia: typology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 67–74. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2012) Civil society: moving away from ideologeme. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 63–73. (In Russ.)
- Kliucharev G.A. (2022) Ontological issues in sociological interpretation: towards posing the question. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–16. DOI: 10.31857/S013216250017230-6. (In Russ.)
- Kon I.S. (1999) You can't choose an era. In: *Russian sociology of the sixties in memoirs and documents*. St. Petersburg: RHGI: 110–131. (In Russ.)
- Krasin Yu.A. (1979) Political aspects of sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 64–71. (In Russ.)
- Lisitskaya E. Yu. (2014) Experience of comparison of sociological theorizing in Russian and foreign scientific journals. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 130–138. (In Russ.)
- Mikeshina L.A. (2018) Sociology and epistemology: the need for interaction. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250002153-1. (In Russ.)
- Nedyak I.L., Pavlova T.V. et al. (2020) Political field and zone of power: ideal type varieties and an empirical verification. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 42–53. DOI: 10.31857/S013216250008323-8. (In Russ.)
- Osipov G.V. (1987) The human factor of acceleration (on the issue of developing a sociological concept). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 11–18. (In Russ.)

- Oslon A.A. (2011) Political sociology is part of politics, sociology of politics is part of sociology. Interview conducted by V.L. Rimsky. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 160–178. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2012) Civil participation in the context of political modernization of Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 48–60. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2019) Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. DOI: 10.31857/5013216250007743-0. (In Russ.)
- Political sociology: textbook.* (2017) Ed. by Zh.T. Toshchenko. 4th ed., rev. and add. Moscow: Yurait. (In Russ.)
- Report on the journal “Sociological Research” at the Bureau of the Department of Philosophy and Law of the USSR Academy of Sciences (1975) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 224–226. (In Russ.)
- Reznik Yu.M. (1994) Formation of institutions of civil society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–29. (In Russ.)
- Rutkevich M.N. (1995) On the role of the subjective factor in modern Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 31–38. (In Russ.)
- Sartori G. (1969) From the Sociology of Politics to Political Sociology. *Government and Opposition*. Vol. 4. No. 2: 195–214. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1969.tb00173.
- Shlapentokh V.E. (1995) Pre-election polls of 1993 in Russia (critical analysis). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–10. (In Russ.)
- Socialist pluralism (round table discussion of the APN and the editors of Sociological Research) (1988) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 6–24. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2017) Russian sociological tradition in international scientific discourse: features, problems and prospects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 121–122. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1994) Evolution of ideas in political sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 14–24. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E. (1990) Political sociology: state, problems, prospects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 22–29. (In Russ.)
- Volkov Yu.E. (1982) Sociology of politics as a branch of sociological science. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 42–50. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (1994) Ideological eclipse. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–9. (In Russ.)
- Voronkov V., Zdravomyslova E. (1996) Emerging Political Sociology in Russia and Russian Transformation. *Current Sociology*. Vol. 44. No. 3: 40–52.
- Yadova M.A. (2021) Current political agenda of Russian sociological journals. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 4: 287–309. DOI: 10.31249/poln/2021.04.13. (In Russ.)
- Zadorin I.V. (2011) Empirical political sociology in Russia grew out of electoral studies. Interview conducted by V.L. Rimsky. *Politicheskaya nauka* [Political science]. No. 3: 140–159. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.I. (1987) The role of sociology in accelerating the development of Soviet society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–15. (In Russ.)

Received: 23.04.24. Final version: 30.06.24. Accepted: 25.07.24.